

ЖИВАЯ ОЧЕРЕДЬ

Ереванская центральная база плодоовощной продукции и картофеля. Мощность ее двадцать шесть тысяч тонн. Столько овощей, фруктов и картофеля одновременно хранится в холодильниках базы. Штатное расписание — триста сорок человек. За время существования базы, то есть за пятнадцать лет, сменилось двадцать четыре директора. Текучесть остальных кадров еще более высокая. Рекорд по стажу работы установил один из директоров, проработавший два года. Был директор, который продержался на работе семь дней. Почти никого не выгоняли. Уходили сами. Кто от инфаркта, кто писал заявление через семь месяцев, кто через семь дней.

Причина? Многосложная. Казалось, по утвердившемуся мнению, подобная работа — просто-таки престижная, если не сказать более искренне — денежная. И все же через семь дней пишут заявление об уходе. Многим, наверное, кажется, что директор базы, а тем более овощной, а тем более мощной, — это человек могучего телосложения, с бычьей шеей, с нависающим над ремнем огромным животом. Я познакомился с недавно ушедшим директором. Овик Степанян. Красивое лицо, красивая модная прическа. Кандидат технических наук. Защищал диссертацию на тему «Организация перевозок скоропортящихся грузов». То, что, казалось, надо. В самый раз. Проработал тоже рекордный срок. Год и четыре месяца. Много успел сделать. Первым делом вывел все полезные и подсобные площади базы из грязи в буквальном смысле слова. Асфальтировал, механизировал, ремонтировал, переоборудовал, реставрировал. Вроде бы все шло хорошо. Его ценили. Работа архиответственная. Шутка ли, обеспечивать, особенно в зимнее время, миллионный город овощами и фруктами. Все магазины Минплодоовощхоза, рестораны, столовые, а также детсады, школы, больницы — словом, все без исключения бюджетные организации. Нетрудно себе представить, какой поднимется шум, если своевременно не обеспечить (согласно

строгую графику и плану) потребителя необходимым количеством овощей и фруктов.

А ведь главное в работе базы — это длительное хранение продукции. Из великого множества холодильных установок хотя бы одна выйдет из строя — тысячи и тысячи тонн фруктов, овощей и картофеля испортятся в один миг. И для того, чтобы работа шла четко, бесперебойно, нужно директору базы подчас по двадцать часов в сутки трудиться.

Овик Степанян трудился, когда надо было, не только двадцать часов. Такие дни чаще всего бывают в сентябре, когда к потоку фруктов и овощей добавляется и картофельный поток. Трудился. И все же не выдержал. Тоже сдался. Тоже сел за стол и написал заявление. Заявление об уходе. Куда угодно, только не здесь. Кем угодно, только не директором базы.

И все же должна же быть какая-то конкретная причина? Если даже имеется целый ворох, или, скажем по-современному, целый комплекс причин, то уж, наверное, одна из них должна быть особенно выделяющейся своей сущностью. Пожалуй. Есть в целом комплексе такая особенная. В течение одного года базу, то бишь свежеиспеченного директора, проверяли... *пятьдесят четыре* (я специально пишу прописью) комиссии. Список (он называется «Перечень») проверяющих организаций сейчас лежит на моем столе. Не будем злоупотреблять вниманием читателей, перечисляя все организации. Легче, кстати, было бы привести перечень тех организаций, представители которых не наносили визита на базу. Из пятидесяти четырех проверок лишь три были плановые. Чаще всего заглядывали на базу в разгар поступления урожая, когда работники базы трудились чуть ли не круглосуточно. Визитерами были финансисты и пожарники, электрики и охранники. Всех действительно не перечислишь.

Могут спросить: а как же иначе? Как быть? Нужен же контроль? Иначе, мол, черт-те что будет. Спору нет, и проверять надо, и контролировать. Только вот, может, в тех случаях, когда явно переусердствуют иные контролеры, надо проверять самих проверяющих? Я хочу быть правильно понятым. Речь ведь не идет о доверии к тем или иным проверяющим. Об их компетентности или некомпетентности. Речь о том, что любая проверка в конечном итоге должна преследовать, кроме всего прочего, одну, так сказать, сверхзадачу. В нашем случае: уменьшить число потерь сельхозпродукции. Если проверки не решают этой самой сверхзадачи, если, напротив, они

приводят к отрицательному эффекту, то вряд ли можно оправдать их.

Вот только один пример. 20 сентября на базу пришли два представителя из санэпидстанции. Ясное дело, проверяли санитарное состояние соответствующих объектов базы. Однако прежде давайте подумаем о самом календаре. 20 сентября. В этот день чуть ли не из десяти сельскохозяйственных районов-поставщиков поступала на базу продукция. Одного только картофеля — более восьмисот тонн. И вдруг в такую вот поистине горячую пору, когда каждая минута дорога, заявляются уважаемые люди со своей проверкой. Вернулись они и на следующий день, 21 сентября, когда на базу завезли более тысячи тонн плодов, овощей и картофеля. С ними, с представителями санэпидстанции, должен был заниматься не кто-нибудь такой, не какой-нибудь там простой смертный, а сам главный технолог. То есть тот самый работник, кто по долгу службы должен был заниматься закладкой продукции. Именно главный технолог определяет качество продукции, решает, что куда разложить. Словом, главная фигура в момент поступления урожая.

Разговор между главным технологом и проверяющими, как и следовало, наверное, ожидать, не получился. Взаимная неприязнь. Взаимные упреки. Несостоявшийся диалог закончился составлением протокола № 26 — 10/31 от 21 сентября, в котором подчеркивалось, что «подсобные помещения (комната персонала, санузел и т. д.) склада № 9 содержатся в антисанитарном состоянии». И на основании Положения о государственном санитарном надзоре в СССР постановили подвергнуть штрафу такого-то работника в размере двадцати рублей. Что ж, поделом. В следующий раз будут знать, что «комнату персонала, санузел и т. д.» надо содержать в чистоте.

Однако трудно поверить, что штраф в двадцать рублей, не считая двухдневной нервотрепки в пиковую пору предприятия, принесли хоть малейшую пользу. А реальная обстановка на том самом участке, который проверяли санитарные работники, говорит о том, что дело вовсе не в «санузле и т. д.». В двух фруктохранилищах, где хранится восемь тысяч тонн продуктов, не проведено теплоснабжение. На базе вообще нет закрытой системы теплоснабжения, оттайки «снежной шубы» от радиаторов. Большая часть канализационных коммуникаций и вентиляционной системы не функционирует вообще. Так что тут действительно дело не только в «санузле и т. д.».

Уважаемые представители санэпидстанции хорошо хоть составили протокол, оставили бумажку о своем пребывании. От абсолютного большинства проверяющих вообще не остается никаких следов. Представляет, проверяют учреждение на протяжении двух месяцев — и хоть бы что. Хоть бы одна строка. И порой остается непонятным, какую, собственно, цель преследовали иные проверяющие!

Вопрос этот не риторический. Мне рассказывали, что проверяющие чаще всего приходят, имея на руках анонимное письмо, именуемое на официальном языке «сигналом». Неужели такого рода сомнительного сигнала достаточно, чтобы в разгар страды отрывать людей от работы на целых два дня? И неужели можно считать нормальной практикой явного пренебрежения к целому коллективу? А ведь тот факт, что результаты проверки нигде не рассматривались, не активировались, не подвергались анализу — это и есть истинное безобразие.

Наверное, у читателя может возникнуть вопрос: что обычно проверяют на овощных и фруктовых базах? Что конкретно? Многое. Но больше всего, чаще всего, и в основном — это качество. Ну, например, по накладным видно, что та или иная партия продуктов поступила тогда-то и при этом было отмечено: 3 процента нестандартной продукции. Ну, скажем, из всего объема картофеля только 3 процента мелкого (размеры определены специальной инструкцией), побитого, прогнившего, с механическими повреждениями. И вот проверяющий установил, что не 3 процента, а все 10 испорчены. А то и двадцать. А то и тридцать. Что делает проверяющий? Он спрашивает: «Почему испорченной продукции больше, чем об этом говорится в документе?» Ему отвечают: «Потому, что продукция с самого начала поступила нестандартная». Тогда проверяющий снова спрашивает: «А почему ты принял нестандартной продукции целых тридцать процентов, в то время как в накладной написано — три процента?» Тогда работник базы, зная, конечно, что дело пахнет следствием, пожимает плечами, вздыхает и отвечает вопросом на вопрос: «А что же мне оставалось делать?» На такой ничуть не удовлетворяющий проверяющего вопрос последний отвечает: «Надо было согласно положению, согласно закону, хотя бы согласно постановлению Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 25 апреля 1966 года составить акт о скрытых недостатках продукции. И вообще ты обязан знать, что «проверка продукции по качеству и комплектности производится в точном соответствии с ГОСТами, Тех-

ническими условиями, Основными и Особыми условиями поставки, другими обязательными для сторон правилами, а также по сопроводительным документам, удостоверяющим качество и комплектность проверяемой продукции (технический паспорт, сертификат, удостоверение о качестве, счет-фактура, спецификация и т. п.)».

Директор базы, правда, не знает, что конкретно входит в это самое «и т. п.». Он лишь говорит о том, что машина заехала на территорию базы, поднялись на кузов и ахнули. На глаз — 30 процентов поврежденной продукции, которая никак не годится для хранения. Тогда проверяющий, на зубок изучивший все положения, постановления, инструкции, спокойно вставляет: «Ты обязан был вызвать изготовителя (отправителя)». В этом месте директор базы немного кипит: «За день до сотни машин прибывает сюда. Каждая машина отправляется к нам изготовителем (отправителем). Так что же, прямо всех и вызывать?» — «Обязательно», — парирует проверяющий. «А что тут будет делать этот самый изготовитель (отправитель)?» — задает, потупясь, очередной вопрос директор базы. На такой «наивный» вопрос всезнающий проверяющий шелкает цитату из постановления: «Изготовитель (отправитель) обязан вывезти недоброкачественную продукцию — в 5-дневный срок, а скоропортящуюся недоброкачественную продукцию — в 24-часовой срок со дня получения сообщения получателя об отказе от этой продукции».

Пусть читатель не думает, что вышеприведенный диалог — это плод писательского воображения. Он, диалог, взят из жизни. Иные проверяемые ведь нынче даже записывают на магнитофон свою беседу с проверяющими. Я слушал одну такую запись, потом прочитал ворох инструкций и положений, и у меня создалось впечатление, что мы чуть ли не в каждой строке документов думаем об интересах того или иного ведомства (отправителя — получателя); думаем о том, как нам без хлопот совершить суд над ними, как облегчить многосложное дело арбитража. Только вот при этом почему-то начисто забываем о судьбе самой картошки. В самом деле, что толку от того, что «изготовитель (отправитель)» в соответствующий срок вывезет картошку. Ну, ладно, вывезет и тем самым облегчит участь работников базы. А что потом? Есть ведь еще один прямо-таки сакраментальный вопрос: «Куда же он, этот самый «изготовитель (отправитель)», вывезет картошку?» В самом деле, куда? Не вся продукция сгнила. А лишь часть. Значит, кое-что мож-

но спасти. Речь-то идет о продукции, которая еще накануне была в земле. То есть продукт вполне годится для употребления сегодня, для переработки. Чего ради устанавливать еще пятидневные сроки для вывоза, не зная, куда вывозить. Может, надо решать проблему тут же, на месте? И вообще, может, этому самому проверяющему надобно заявляться не на базу, а туда, откуда отправляют нестандартную продукцию?

Мне кажется, ни один проверяющий просто не имеет морального права вести диалог с заготовителями только на основании буквы инструкции. Предположим, согласно той или иной инструкции, та или иная продукция в первые два месяца портится на 4–5 процентов. А к восьмому месяцу хранения — на 35 процентов. Подобной записи бывает, оказывается, достаточно, чтобы начать проверку и выявлять действительные проценты потерь. И если обнаружили, что потерь оказалось больше, то можно возбудить уголовное дело. И возбуждают. Спору нет, строгость такая нужна. Только вот было бы хорошо, если бы от применения строгих законов все-таки больше у нас сбереглось сельскохозяйственной продукции. Жизнь показывает обратное. Потери, к сожалению, увеличиваются.

Не проценты, думается, надо считать. Надо действительно сделать все, чтобы с самого начала использовать всю продукцию. Читательница, профессор Киевского торгового института З. В. Коробкина, пишет: «Я никогда не принимаю всерьез заявления о том, что то или иное предприятие добилось стопроцентной сохранности свежих плодов и овощей при длительном хранении. Это противоречит самой природе плодоовощного товара. Другое дело — стопроцентное использование урожая».

Разработанные давно нормы так называемой усушки-утруски и прочих причин, приводящих к потерям сельхозпродуктов, сегодня вызывают дебаты среди специалистов. Однако, пока суд да дело, пока специалисты придут к общему мнению о более точных цифрах допустимых потерь, мы поговорим о другом. Собственно, вернемся к делам наших уважаемых проверяющих. И возьмем для примера вроде бы прозаические морковь и лук. Можно себе представить, какие разгораются споры между двумя «конкурирующими организациями», когда одна сторона приводит цифры допустимых потерь, установленных положением, а другая приводит цитату из специализированного журнала, в котором утверждается, что если морковь поступила на базу с механическими повреждениями, то она портится в одиннадцать (!) раз быстрее, чем если бы она поступила в стан-

дартном виде. Лук в аналогичном случае портится в четыре раза быстрее. Перечень продуктов можно продолжить. Результат один и тот же. Однако подобные цифры, приведенные пусть даже маститыми учеными-специалистами в периодике, не являются аргументом для проверяющих. Для них главное — инструктория.

Бывший директор базы Овик Степанян признался мне, что чаще всего проверяющие ему говорили, мол, сам виноват, нечего было принимать заведомо сомнительную продукцию. Об этом говорил не только Овик. И я задумался: чего ради берут на себя такой грех эти самые директора, которые в официальных документах именуется как «получатель (покупатель)». И я решил съездить на базу в тот самый момент, когда завозят овощи.

Поехали вместе с министром плодоовощного хозяйства республики Р. А. Сухудяном. На базе мы застали заместителя министра М. Б. Назаряна. Во дворе стояло несколько грузовых машин, прибывших из Мартунинского и Калининского районов. Машины, груженные картофелем. Выяснилось: директор базы отказывается его принимать ввиду того, что в каждой партии было слишком много нестандартной продукции. В основном — механические повреждения во время уборки. Я забрался в кузов. Прав директор базы: очень много поврежденных картофелин. Однако редко попадались на глаза явно прогнившие. Да и откуда? Машина прямо с поля. Перелистываю документацию, которую привез с собой водитель-экспедитор. Везде и всюду отмечено жирно: нестандартной продукции — 3 процента. Опускаем такую малость, как то, что в каждой машине с полтонны (минимум) землицы. Машина-то взвешивается целиком. С землицей...

Как быть? Вопрос вроде бы задаю всем сразу, в том числе и самому себе. Отвечает министр:

— Я думаю, мы только время тратим впустую. Из Калинина или Мартуни вызвать представителя — пройдет двое суток. Отправить машину назад — сжечь дополнительное горючее. Ведь машина паркуется здесь, в городе.

— А кого бы вы вызвали, если пришлось бы пойти на это? — спрашиваю я.

— Смешно признаться, но пришлось бы вызвать своего же представителя в районе.

— Почему же представитель, если он входит в ваше штатное расписание, идет на такой заведомый обман? Продукцию посылает с явным, так сказать, браком. В то же время в накладной показывает заниженную цифру нестандартной продукции?

— Потому, что он только на бумаге считается моим представителем. Третьего дня был у меня такой вот районный представитель. Стоит у меня в кабинете и умоляет, чтобы с него не требовали больше, чем он может. Вам покажется смешным, а так ведь оно и есть. Районные власти имеют на него больше влияния, чем я. Он живет в районе. Там же находится на партийном учете. Естественно, районным властям нужно как можно быстрее отгрузить продукцию, всю до конца. А там — хоть потоп. Хоть трава не расти. И вот всякий раз мы становимся перед свершившимся фактом. Стоит на дворе груженная машина. Разгорается сыр-бор. Взаимные обвинения.

— И, выходит, больше всего виновата бедная картошка...

— Вот потому-то я и даю в таких случаях указание: принимать ее, бедную картошку, чтобы спасти ее. Просто работникам базы придется трудиться с утра до вечера. Надо будет уже сейчас сортировать. И нестандартную уже сейчас отправить в столовые, рестораны и другие организации. Повторяю, она ведь вполне пригодна для употребления. Порезана, побита, но здоровая еще, свежая. Значит, надо использовать ее по-хозяйски.

— Проверяющий не будет верить ни эмоциям, ни тому, что министр дал устное распоряжение принять всю продукцию. Да и всю вы все равно не успеете сейчас отсортировать и отправить в организации. Часть все равно сгниет. Проверяющий будет смотреть на документы, потом будет выборочно проверять то, что есть на складе, и в каком состоянии находится продукция...

— Что касается проверяющих, число которых растет из года в год, то я думаю, здесь мы должны навести строгий порядок. Я бы даже сказал, государственный порядок. Ни одного проверяющего нельзя допускать на базу контролировать качество продукции, если самолично не проверяет объект в момент поступления овощей и плодов. Так грамотно обычно поступают представители народного контроля, и в этом мы видим пользу.

О пользе, которую дает проверка, проведенная народными контролерами, говорил и заместитель министра. Как правило, представители Комитета народного контроля бывают людьми компетентными, имеющими немалый опыт работы. И чаще всего они действительно контролируют качество во время уборки, в момент поступления продукции. Заметим, кстати, и то, что из пятидесяти четырех проверяющих комиссий всего лишь трижды в течение одного года были народные контролеры.

Остальные или занимались дублированием того, чем занимались представители Комитета народного контроля, или,

мягко выражаясь, занимались самодеятельностью. Остальные заявлялись на базу не тогда, когда это нужно было... картошке, а тогда, когда им того хотелось. Нередко бывало: в приемной директора накапливались проверяющие. Живая очередь...

Подобная порочная практика некоординированного контроля наносит только вред делу. Именно об этом говорилось на Всесоюзном совещании народных контролеров: «Наверное, не лишней будет помощь народному контролю и в координации разного рода проверок. Пока тут много еще несогласованности, неразберихи. Случается, не успеет отбыть с завода одна комиссия, как туда спешит другая, а там, глядишь, и третья. Такая практика нервирует трудовые коллективы, мешает им работать. Словом, организацию ревизий необходимо упорядочить. Это, кстати, позволит повесить ответственность и проверяемых, и проверяющих».